
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ ВЫБОРА. ЧАСТЬ I. ЗА ПРЕДЕЛАМИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ¹

© 2014 г. Д. А. Леонтьев

*Доктор психологических наук, профессор факультета психологии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова,
заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации
НИУ ВШЭ, Москва*

Статья содержит теоретический анализ современного состояния проблемы выбора в психологии. Она сфокусирована на трех основных аспектах этой проблемы: (1) соотношение выбора и принятия решения; (2) анализ и интерпретация феноменов социокультурного конструирования ситуаций выбора или не-выбора и (3) обоснование трактовки выбора как формы внутренней деятельности и ее разновидностей.

Ключевые слова: выбор, неопределенность, принятие решения, рациональность, суждение, культура, конструирование, деятельность, операции, средства, энергия.

Актуальность проблемы выбора не нуждается в обосновании. С этой проблемой мы сталкиваемся на каждом шагу. Прикладными аспектами выборов, совершаемых людьми в повседневной деятельности, интенсивно занимаются экономисты, политологи, социологи, специалисты по управлению (см., напр., [29]). Однако сравнительно общепринятой дефиниции выбора нет. Причина этого лежит на поверхности: в рамках всех перечисленных дисциплин исследователей интересует результат выбора, в то время как его процесс и механизмы остаются “черным ящиком”. Практически единственная общепризнанная характеристика выбора, которую можно найти в литературе – то, что он выступает средством разрешения неопределенности (напр., [28]). Один из ведущих социологов современности Н. Луман, опирающийся на понятие принятия решения, считает упрощение, редукцию сложности характерной чертой, а неопределенность будущего – единственной инвариантой процессов принятия решения [39, с. 31, 45]. Совершение выбора приводит к сокращению пространства альтернатив до одной реализуемой, к уменьшению степеней свободы. Неопределенность же означает, что действия в точке выбора не предопределены однозначно.

В психологии попытки обозначить эту проблему делались достаточно давно. Возможно, первой

из них является анализ процессов выбора и принятия решения как важного компонента волевых процессов А.Ф. Лазурским более 100 лет назад [16]. В последнее время эта тема становится всё более и более “модной”, однако не только психологические исследования проблематики выбора пока лишены системности (за исключением лишь чисто когнитивных аспектов принятия решений, к которым тема выбора отнюдь не сводится), но и сами ключевые понятия еще не устоялись, а ключевые определения продолжают обсуждаться (см. [19]).

Задача данной серии статей – опираясь на имеющиеся теоретические подходы к проблеме выбора и экспериментальные исследования в этой области (в том числе, ведущиеся автором с 1988 г. до настоящего времени), построить модель, способную интегрировать и дифференцировать различные разновидности выбора, как простые, так и сложные, как рациональные, так и иррациональные.

В первой статье мы сосредоточимся на разграничении психологического понимания выбора как сложно организованного процесса и принятия решения, представляющего собой лишь одну из сторон этого процесса, к которой чаще всего сводится изучение выбора в смежных с психологией научных дисциплинах.

Задачей, которую мы ставим в данной статье, является концептуальное определение выбора

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01050).

с психологической точки зрения. Для этого мы, прежде всего, рассмотрим соотношение конструктов “выбор” и “принятие решения” в психологии, затем остановимся на проблеме сходства и различия процессов выбора и их роли в различных культурах, и наконец, сформулируем разрабатываемое нами длительное время представление о выборе как внутренней деятельности и предложим уровневую классификацию разновидностей деятельности выбора разной сложности.

ВЫБОР И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ: РАЗНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЛИ РАЗНЫЕ ЯВЛЕНИЯ?

Большинство работ по принятию решения базируются на имплицитном допущении, что принятие решения – то же самое, что и выбор, только “принятие решения” – терминологически более строгое, корректное, научно операционализируемое понятие (напр. [13]), в то время как слово “выбор” нагружено философскими и обыденными коннотациями.

Существенные для определения понятия выбора суждения можно найти уже у Аристотеля. По его мнению, выбор “самым тесным образом связан с добродетелью и еще в большей мере, чем поступки, позволяет судить о нравах” [1, с. 99]. При этом он относит свои суждения только к сознательному выбору, подчеркивая, что это понятие уже, чем понятие произвольного, и критикуя взгляды тех, кто связывает выбор с влечением, желанием или индивидуальным мнением. “Влечение противоположно сознательному выбору... Влечение связано с удовольствием и страданием, а сознательный выбор ни к тому, ни к другому отношения не имеет” [там же, с. 100]. Аристотель относит выбор к тому, что “зависит от нас” [там же].

Интересно разведение у Аристотеля выбора и мнения: “каковы мы, зависит от того, благо или зло мы выбираем, а не от того, какие у нас мнения” [там же]. Тем самым выбор отчетливо связывается у него в “Никомаховой этике” с практическим поведенческим воплощением, однако предстает как сложно опосредованный, а не импульсивный процесс. “Делают наилучший выбор и составляют наилучшее мнение, по-видимому, не одни и те же люди, но некоторые довольно хорошо составляют мнение, однако из-за порочности избирают не то, что должно” [1, с. 101].

Уже здесь возникает параллель с современными понятиями выбора и принятия решения. Аристотель далее подробно останавливается на связи

между ними. Предположив эту связь, он показывает далее, что решения мы принимаем только о том, что зависит от нас. “Решения бывают о том, что происходит, как правило, определенным образом, но чей исход не ясен, и в чем заключена неопределенность” [1, с. 102]. Показывая далее, что решения относятся не к целям, а к средствам, Аристотель в завершение анализа определяет сознательный выбор как “способное принимать решения стремление к зависящему от нас” [1, с. 103]. Понятие решения у Аристотеля практически синонимично понятию выбора, и противопоставляется понятию мнения. Характерно, что в современной когнитивной парадигме принятие решения оказывается ближе к понятию мнения; в его определение уже не входит связь с личной причинностью и деятельной реализацией, подчеркивавшаяся Аристотелем. Неразрывную связь, выражаясь современным языком, когнитивной и экзистенциальной сторон выбора Аристотель формулирует так: “Как без рассудительности, так и без добродетели сознательный выбор не будет правильным, ибо вторая создает цель, а первая позволяет совершать поступки, ведущие к цели” [1, с. 190].

В “Евдемовой этике” Аристотель высказывает похожие мысли несколько иными словами; важно, в частности, его утверждение о том, что “выбор не бывает истинным и ложным, так же, как и мнение о вещах, которые мы должны осуществить, когда мы раздумываем, должно ли делать или не делать что-либо” [2, с. 65].

Таким образом, Аристотель недвусмысленно связывает выбор с сознательностью и рассудительностью, но подчиняет когнитивную составляющую этико-мотивационной; именно с этой последней, а не с формированием мнения, он связывал “качество” выбора. Принятие решения у Аристотеля практически совпадает с выбором, в отличие от мнения. Наконец, Аристотель последовательно связывает выбор с активной деятельной способностью к совершению поступка и контролем над действием, т.е. с тем, что сегодня входит в понятие “субъектность” [21].

Современное энциклопедическое издание определяет принятие решения (ПР) как “акт оценивания нескольких альтернатив (т.е. формирования мнения о них) и выбора одной из них, которая с наибольшей вероятностью приведет к достижению одной или нескольких целей. Типичные примеры включают решения, за кого голосовать, что съесть или купить, в какой колледж поступать” [48]. Очевидно, что с точки зрения автора, определения именно ПР составляет суть

выбора; это имплицитное допущение разделяется в большинстве работ по ПР (напр., [13]). Позже Т.В. Корнилова вводит важное уточнение: ПР отождествляется с осознанным, осмысленным и свободным выбором, в отличие от вынужденного или механического выбора [16, с. 11–12]. “Собственно о выборе как ПР следует говорить в тех случаях, когда человек сохраняет достаточную степень произвольности не только в оценивании альтернатив (или множественных исходов), но и в самоопределении, в том числе и относительно своих личностных ценностей” [16, с. 12]. Другими словами, выбор по-прежнему отождествляется с ПР, с оговоркой, что речь идет о произвольном, рефлексивном выборе.

Мы начнем с исследования этого имплицитного допущения. Ключевым для нас является вопрос, сводим ли выбор одной из альтернатив (с учетом вводимых Т.В. Корниловой оговорок) к принятию решения (формированию мнений о них).

Практически во всех исследованиях ПР его процессы описываются как принципиально рациональные, во всяком случае в их оптимальной форме, и изучаются преимущественно в рамках когнитивной психологии. Иррациональность, влияния которой далеко не всегда удается избежать, проявляется в отклонениях процессов ПР от оптимальной траектории. Например, в известных исследованиях Д. Канемана, удостоенных Нобелевской премии [10, 11], обнаружено, что наши имплицитные модели сложных вероятностных процессов и закономерностей часто неверны и ведут к ошибочным прогнозам. Мы неверно оцениваем то, какой выбор является для нас оптимальным. Эти процессы моделирования не соответствуют логике самих объективных процессов, когнитивной репрезентацией которых они выступают, однако Канеману и его сотрудникам удалось понять и описать ту логику, по которой они фактически разворачиваются. Она не иррациональна, а скорее инорациональна и соотносится с личностно-смысловой логикой [20]. Она последовательно строится на определенных основаниях (эвристиках), которые, однако, не совпадают с объективными детерминантами соответствующих процессов, и такие эвристики уводят в сторону от правильного решения. Оказывается, в частности, что вопреки устоявшемуся в исследованиях по ПР имплицитному допущению, что “хорошее” ПР опирается на произвольные процессы когнитивной переработки, в определенных ситуациях решающую роль играют аффективные процессы [42]. Рациональная модель оказывается применима в очень ограниченном количестве случаев.

И рациональные, и иррациональные процессы ПР объединяет то, что речь идет об оперировании ментальными репрезентациями в сознании субъекта (в широком смысле слова), о решении познавательной задачи, конечным звеном которого служит получение правильного или оптимального решения в форме итогового суждения. Выбор же не сводится к плану ментальных репрезентаций. Это, в первую очередь, жизненный процесс, происходящий в практической жизнедеятельности субъекта, в его отношениях с миром. Если мы будем говорить не о простейших, редуцированных вариантах выбора, а о сложном, развернутом и действительно значимом выборе, нам не уйти от понимания того, что он являет собой ответственный акт, который имеет для субъекта жизненные, онтологические, биографические последствия.

По этой причине вызывает много вопросов методический прием использования воображаемых ситуаций, который используется в психологии достаточно часто: например, на нем строятся классические исследования Л. Колберга уровней развития морального сознания. Допустим, испытуемому предлагается сделать выбор между двумя кандидатами в органы власти, при этом ему сообщают некоторую информацию о том и о другом кандидате [27]. Отличие данной лабораторной ситуации от реальной ситуации голосования на выборах есть, и оно принципиально. В лабораторной ситуации испытуемый делает выбор заведомо “понарошку”, то есть выбор не влечет никаких последствий для его жизни. В ситуации реального голосования выбор имеет последствия, и избиратель решает не интеллектуальную, а жизненную задачу. Конечно, многие избиратели, даже пришедшие к урнам для голосования, не считают, что от их голоса что-то зависит, и просто выполняют определенный ритуал, но есть и другие, воспринимающие ситуацию с полной гражданской ответственностью и вкладывающие себя в свой выбор. Те же, кто совсем не верит, что выбор будет иметь реальные последствия, на выборы просто не идут. Отсюда парадокс: поскольку лабораторная воображаемая ситуация исключает реальные последствия выбора для испытуемого, она моделирует сознание только тех избирателей, которые именно поэтому на выборы не приходят!

Указанное отличие лабораторной ситуации от реальной в какой-то мере отражает и различия политической культуры в России и в странах развитой демократии. Российский стереотип состоит в том, что надо из кандидатов выбрать самого хорошего человека (принять решение), проголосовать за него и ближайшие четыре года

(шесть лет) к этому не возвращаться. Западный избиратель, напротив, гораздо чаще понимает, что недостаточно раз в четыре года прийти на участок и проголосовать, главное в демократических процедурах – не столько сами выборы, сколько постоянно действующие механизмы обратной связи. Если избиратель воспринимает этот выбор как свой личный, имеющий для него реальные последствия, он будет, объединяясь с другими, оказывать давление на избранного с его помощью кандидата, выдвигая ему свои требования и следя за его политическим поведением. Тем самым продолжается участие людей в реализации сделанного ими выбора за пределами принятого решения. Вместе с тем к различиям политической культуры дело, конечно же, не сводится.

Таким образом, далеко не во всех случаях выбор сводится к принятию решения. Еще одно важное различие, не учитываемое в когнитивном подходе – это различие между задачами, имеющими объективно правильное или оптимальное решение, и проблемами, в которых ни одно из решений не может быть априори оценено как объективно правильное (подробнее об этом пойдет речь во второй статье). Примером первых являются экзаменационные тестовые задания, где требуется найти правильный ответ из нескольких предложенных вариантов; примером вторых – профессиональное самоопределение или другие жизненные выборы. И в том, и в другом случае можно говорить о разрешении неопределенности, однако в первом случае неопределенность существует лишь в сознании субъекта, субъективно, в то время как объективно правильным является только один из ответов. Во втором случае объективно правильного решения нет, и неопределенность является объективной, онтологической характеристикой ситуации. В первом же случае правильнее говорить не о неопределенности, а о неизвестности как гносеологической характеристике, и неразличение этих двух ситуаций возможно только при неразличении объективной и субъективной реальности, характерной для когнитивного редукционизма.

Отсюда вытекают и разные возможности оптимизации выбора. ПР можно оптимизировать, потому что есть однозначные критерии оптимального. Скажем, в бизнесе в большинстве случаев “работают” жесткие экономические критерии: хорошо, правильно то решение, следствием которого в определенном временном горизонте будет увеличение прибыли и/или минимизация убытков, что и является, по определению, конечным смыслом существования любого бизнеса. Правильное решение объективно правильно, оно будет правиль-

ным для любого в данной ситуации. В отличие от ПР выбор часто нельзя оптимизировать потому, что нет четких критериев того, что можно было бы назвать правильным выбором – таким, который в данной ситуации привел бы к объективно более предпочтительным исходам, чем другие выборы. Для разных людей могут быть правильны противоположные решения, потому что у них различаются жизненные контексты, точки отсчета и место в мире.

Перед выбором стоит витязь на распутье: “Налево пойдешь... направо пойдешь... прямо пойдешь...”. Как в этой ситуации оптимизировать ПР? Каждый из вариантов может оказаться оптимальным в зависимости от того, какие использовать критерии. Когда мы имеем дело с подлинными процессами выбора, вовлекающего личность в ее жизненной ситуации, критерии могут меняться. И одно из важных искусств, входящих в более общее экзистенциальное искусство выбора, – это способность пересматривать критерии, из которых субъект исходит, принимая решение в той или иной ситуации, способность усомниться, действительно ли именно это сейчас самое главное? Часто критерий выбора может быть заранее неизвестен: принимая большие жизненные решения, мы считаем, что для нас важнее всего одно, а когда выбор сделан, оказывается, что важнее другое. Интуитивный выбор, который делает витязь на распутье, является во многом проективным, показывая, что на самом деле для него главное – заранее это было неизвестно и не могло быть известно даже ему самому. Эта ситуация описывается известными словами Ж.-П. Сартра: “Существование предшествует сущности”. Нет изначально заданных критериев – той сущности, которая бы заранее определяла, какой выбор будет правильным. Наоборот, в процессе его осуществления субъект и начинает понимать, что для него в жизни является главным. Другой, еще более заостренный пример можно найти в романе У. Стайрона “Выбор Софи” и одноименном кинофильме. Мать с двумя детьми в нацистском концлагере оказывается в ситуации, когда ей предлагают выбрать, какой из ее двух детей сейчас пойдет в газовую камеру, а какой останется с ней. Можно ли оптимизировать ПР в этой ситуации? Трудно сказать, каким образом происходят процессы выбора в таких обстоятельствах, но когнитивная оптимизация ПР к этому явно никакого отношения не имеет. И чем более значима ситуация жизненного выбора – тем меньше шансов, что рациональность может в этом помочь.

В Колумбийском университете рассказывают забавную историю о его бывшем преподавателе,

пионере в области анализа ПР Ховарде Райффа. Однажды ему предложили должность в Гарвардском университете, что было новой ступенькой в его карьере. Чтобы удержать Райффа, Колумбийский университет предложил утроить ему зарплату. Он решил посоветоваться с другом, деканом в Колумбийском университете. Удивившись вопросу, тот предложил Райффа использовать его собственную технику, во многом благодаря разработке которой он и получил предложение из Гарварда: разложить ситуацию на компоненты, построить карту взаимоотношений между ними и математически просчитать оптимальный выбор. “Ты не понимаешь! – воскликнул Райффа. – Это *серьезное* решение!” [35, с. 130].

Выбор в реальных жизненных ситуациях часто оказывается сделан не тогда, когда найдено решение, то есть сформировано обоснованное суждение о том, какая из альтернатив будет оптимальнее, а тогда, когда субъект приступил к его реализации. Между этими двумя точками может быть ощутимый разрыв. Вспомним Юлиа Цезаря, принимавшего решение: перейти со своим войском маленький ручеек под названием Рубикон и начать гражданскую войну или не перейти. Решение было вроде бы давно принято, но Цезарь колеблется. Чтобы сделать этот шаг, не требуется принимать больше никаких решений, требуется только осуществить экзистенциальный акт – принять на себя ответственность за реализацию этого решения, тронуть поводья и сделать шаг, после которого ситуация становится необратимой, история меняет направление и начинает разворачиваться по своей логике, уйдя из-под контроля того, кто сделал этот шаг. В жизни не только Юлиа Цезаря порой встречаются такие ситуации, которые быстро выходят из-под контроля инициатора; Цезарь, по-видимому, это понимал, потому и колебался. Таким образом, ключевое отличие выбора от ПР состоит в том, что помимо ПР выбор включает в себя принятие ответственности за реализацию решения, вложение себя в его осуществление. Подлинное разрешение неопределенности происходит не в сознании, а в практической деятельности, в момент перехода к действию. Только после перехода Рубикона принятое решение оказывается окончательным, необратимым; до этого оно может быть не раз пересмотрено. Принятое решение переходит в выбор. Этого, однако, может так и не произойти, если, осознавая правильный способ действий, субъект не находит в себе мужества ему следовать.

Наконец, выбор может оказаться уже сделанным без участия сознания, и тогда принимать решение уже поздно. “Никогда реально мы не находимся

в такой ситуации, что жизнь перед нами была бы как река, а мы стояли бы на берегу, и наше решение сделать то или другое было подобно тому, как если бы мы решили прыгнуть в воду. Мы всегда уже в воде, мы всегда уже на каком-то шаге, всегда какие-то движения нами уже произведены и никогда мы не оказываемся в ситуации и не можем в принципе оказаться в ситуации начала чего-то от себя или своего действия, то есть мы фактически в этом смысле никогда не находимся в ситуации выбора. В действительности мы можем выбирать лишь действиями, направленными на то, чтобы установить какие-то сочетания...” [26, с. 194]. По сути М. Мамардашвили говорит о том, что выбор часто оказывается уже сделан без того, чтобы мы осознали его как выбор. Это выбор на основе не принятия решения, а решимости. “Выбор заключается в том, что мы реально делаем, уже делаем; все кажется, что еще выбираем, что мы еще на пороге выбора, а по факту уже выбрали и живем...” [9, с. 146]. Но то, что мы обычно считаем единственным, само собой разумеющимся и безальтернативным способом действия, крайне редко является таковым на самом деле. Аналитический взгляд обнаруживает, что альтернативы были, и однозначность и определенность ситуации – это то, как мы ее конструируем в нашем сознании, а не то, какова она объективно.

КУЛЬТУРНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЫБОРА И ЕГО ГРАНИЦЫ

Последнее положение находит убедительное подтверждение в экспериментах К. Савани с соавторами [45]. Авторы предположили, что конкретная культура во многом определяет, насколько люди склонны рассматривать свои и чужие действия или как результат сделанного ими или другими выбора, или как что-то естественное и безальтернативное. В частности, опираясь на культурные модели соединенной и разъединенной субъектности [40], в ряде исследований они сравнили американских и индийских студентов, ожидая, что первые будут чаще видеть выбор в своих и чужих действиях, чем вторые. Действительно, американские студенты гораздо чаще, чем индийские, рассматривали действия как выбранные ими, причем не имело значения, шла ли речь о своих или чужих действиях, о важных или неважных ситуациях, о прошлых или текущих действиях и о естественном поведении или об искусственно построенном эксперименте. Дополнительным подтверждением влияния культурного контекста служит тот факт, что индийские студенты тем больше были склонны

видеть в действиях выбор, чем дольше они жили в Соединенных Штатах. Это говорит о том, что мы учимся конструированию выбора в определенном культурно-деятельностном контексте. Авторы исследования заключают: “Что считать выбором, мы полагаем, зависит от взглядов и действий субъекта” [45, с. 397].

Культурные различия, связанные с выбором, явно обнаружили и в более раннем исследовании Ш. Иенгар и М. Леппера [37]. В серии экспериментов ученые сравнили учеников американских школ англо-американского и азиатского (японского) происхождения. Участникам давали полуигровые интеллектуальные задания в трех вариантах экспериментальных условий: личный выбор (они сами решали, какими именно задачами им заниматься), выбор значимого другого (им сообщали выбор, якобы сделанный в одних случаях их родителями, в других – товарищами по классу), и выбор чужого (в одних случаях за них выбирал экспериментатор, в других – якобы незнакомые сверстники, ранее участвовавшие в эксперименте). В качестве зависимых переменных использовались внутренняя мотивация (склонность работать над заданием без вознаграждения в последующих сериях), успешность выполнения заданий и общая оценка их привлекательности. Практически для всех зависимых переменных в экспериментальных условиях выбора, навязанного посторонними людьми, испытуемые показывали наихудшие результаты, независимо от культурной принадлежности. В остальном, однако, культурные различия играли большую роль: школьники из англо-американских семей, представляющих культурную модель “разъединенной субъектности”, были намного успешнее и проявляли наибольшую внутреннюю мотивацию, решая выбранные ими самими задания, а выбор, сделанный за них, даже близкими товарищами или родителями, не отличался для них от выбора, сделанного за них чужими людьми. Наоборот, школьники из семей азиатского происхождения, носителей культурной модели “соединенной субъектности”, проявляли большую внутреннюю мотивацию, большую успешность и более позитивное эмоциональное отношение в заданиях, которые выбрали для них значимые другие, по сравнению с выбранными самостоятельно. Авторы считают, что их данные опровергают утверждения Э. Деси и Р. Райана об универсальной значимости потребности в автономии – стремления к самостоятельному выбору. Они подчеркивают, что для представителей разных культур выбор может нести различный смысл. “Мы предполагаем, что представители индивидуалистских

культур, обладающие независимыми личностями, имеющие ментальные модели морали, основывающейся на индивидуальных правах, и для которых главенствующую роль играют фокальные объекты в перцептивном поле, относятся к произвольно выбирающим (*volitional choosers*). Этим понятием мы обозначаем индивидов, считающих себя выбирающими, и целью этого выбора считающих максимальное соответствие своим предпочтениям. В противоположность этому, мы предполагаем, что представители коллективистских культур, обладающие взаимозависимыми личностями, имеющие ментальные модели морали, основывающейся на обязанностях, и для которых главенствующую роль в перцептивном поле играет периферия, относятся к выбирающим по обязанности (*dutiful choosers*). Этим понятием мы обозначаем индивидов, которые воспринимают ситуации выбора как обстоятельства, в которых они должны определить, какая альтернатива социально санкционирована; более того, целью своего выбора они и считают определение того, что именно согласуется с социально одобренными идеалами” [36, с. 145].

Тем не менее вопрос о том, в какой мере склонность и способность к выбору зависит от культурного контекста, продолжает оставаться дискуссионным. В ответной теоретической статье Р. Райан и Э. Деси упрекают сторонников культурной относительности выбора в неразличении таких, на первый взгляд, близких, но не совпадающих понятий, как автономия, независимость и индивидуализм. Признавая различия в поведении, которое считается в тех или иных культурах типичным, они задаются вопросом: разве, принимая в качестве доминирующего ценностного ориентира решение матери или референтной группы, представители азиатских культур не делают это добровольно, по собственному выбору? Они приводят целый ряд эмпирических данных, полученных в русле теории самодетерминации, из которых следует, что личностная автономия связана с более высокой внутренней мотивацией и психологическим благополучием в разных культурах, в том числе в тех, которые традиционно относят к коллективистским. Райан и Деси призывают к большей теоретической аккуратности в объяснении [44].

В последнее время усиливается осознание того, что противопоставление друг другу индивидуализма и коллективизма неправомерно и неконструктивно. Писатель и публицист Д. Быков вкладывает в уста одному из своих героев, настоятелю монастыря, следующее рассуждение: “...дьявол...запустил разделение на две группы,

каждая из которых недостаточна. Одни превыше всего ставят ценности одной личности, другие – ценности всего стада, и оба друг без друга ни на что не годятся. Разделение это ложное, как вы, вероятно, понимаете. Христианство пущено было в мир, чтобы его преодолеть. Для того и придуман крест, чтобы вертикаль сопрягалась в нем с горизонталью...” [4, с. 498–499]. Более подробный анализ он дает в публицистических “Философических письмах”: “На самом деле уловка дьявола в том и состоит, чтобы противопоставить друг другу вещи взаимообусловленные и друг без друга невозможные... Государство, не уважающее личность, – не стоит того, чтобы личность за него жила и умирала. Свобода возможна лишь при условии порядка... Но идея креста, синтеза, снятия ложных противопоставлений – не так проста, до нее надо дозревать. А все, исходящее от дьявола, зрелости не требует” [3, с. 170–171].

Вывод о том, что индивидуализм и коллективизм не являются противоположными полюсами одной бинарной шкалы, получает в последнее время и эмпирическую поддержку. Так, новозеландские ученые разработали опросник для изучения коллективизма и индивидуализма как двух независимых измерений, причем каждое из них, в свою очередь, неоднородно: индивидуализм подразделяется на личную ответственность, своеобразие и состязательность, а коллективизм – на поиск советов при принятии решений и стремление к межличностной гармонии [47]. Недавние кросскультурные исследования с использованием этого опросника (Б. Шулуф, доклад на 14 Европейской конференции по психологии личности, Тарту, Эстония, июль 2008) показали, что эти два измерения действительно независимы друг от друга, и что культуры, которым традиционно приписывался коллективизм (например, китайская), характеризуются низкими значениями по обоим шкалам.

Дополнительный свет на вопрос о влиянии социокультурного контекста на конструирование выбора проливают исследования, в которых изучался социокультурный контекст, не сводящийся к этнокультурной принадлежности. В одном из них сравнивались группы американцев с различным социально-экономическим статусом, индикатором которого служил уровень образования – среднее и высшее образование (степень бакалавра)² [49]. Авторы сравнивали представленность в этих двух группах ориентаций на две культурных модели: одна из них ставит во главу

угла внутреннюю цельность, лояльность, гармонию с окружающими, компромисс, терпимость, а другая – индивидуальную уникальность, самоутверждение, творчество, лидерство и т.п. Первая из этих моделей оказалась больше представлена среди менее образованной выборки, а также в текстах песен стиля кантри, который предпочитается этими респондентами; вторая – среди более образованной выборки, а также в текстах песен стиля рок, наиболее популярного у нее. Два других исследования обнаружили, что в ситуации малозначимого выбора (ручки или диска) у более образованных испытуемых возникает переоценка выбранного ими объекта, который представляется более привлекательным, а у испытуемых со средним образованием этот эффект не наблюдается. Авторы заключают, что на выборе сказывается влияние контекста, различного у двух сравниваемых групп, и что отношение к выбору у испытуемых со средним образованием более сбалансированно и гибко.

Хотя ситуации выбора, использованные в этом исследовании, были искусственными и малозначимыми, что ставит вопрос об их репрезентативности, выводы из этого исследования перекликаются с другой работой, показавшей, что актуализация в экспериментальной ситуации контекста индивидуального выбора (независимая манипулируемая переменная) порождает психологически неблагоприятные эффекты обвинения жертвы и снижения готовности вносить вклад в общее благо [46]. Контекст выбора в экспериментальном условии или нейтральный контекст в контрольном условии задавался с помощью техники прайминга: в предварительной серии испытуемым давали задание просмотреть небольшой игровой видеоролик, нажимая определенную клавишу каждый раз, когда персонаж, по их мнению, совершал какой-то выбор (экспериментальное условие). Контрольной группе показывали тот же ролик с инструкцией нажимать клавишу, когда персонаж первый раз прикасался руками к какому-нибудь объекту. В пяти сериях варьировались зависимые переменные, измерявшиеся в последующем задании. Общие результаты получились вполне однозначными. Актуализация смыслового контекста выбора порождала следующие эффекты: снижение готовности к гражданской активности, снижение поддержки политических и общественных инициатив, направленных на общее благо, рост поддержки политики расширения индивидуальных прав, усиливающееся обвинение жертв в случившихся с ними бедствиях и снижение готовности помочь нуждающимся. Все исследования проводились на американских

² Уровень образования в США сильно коррелирует с другими социально-экономическими параметрами.

испытуемых, за исключением последней серии, в которой участвовала также выборка индийцев; в ней снижение сочувствия нуждающимся при актуализации контекста выбора не было обнаружено.

Все же один из наиболее глубоких исследователей выбора и его культурной специфики, американский психолог индийского (сикхского) происхождения Ш. Иенгар в своей недавней обобщающей книге рассматривает выбор как достаточно универсальный и позитивный механизм, несмотря на признание культурных различий, а также ограничений и нежелательных побочных последствий выбора. «Все мы рождаемся, оснащенные инструментами выбора, и что не менее важно, мы рождаемся с желанием его совершать. Например, нейроны стриатума реагируют сильнее на вознаграждения, которые люди или животные активно выбирают, чем на такие же пассивно полученные вознаграждения. Как поется в песне: “Рыбка хочет плавать, птичка хочет летать”, а мы все хотим выбирать» [35, с. 9]. Выявленные в описанных выше экспериментах [37] особенности японских детей, охотнее принимающих выбор матери, чем делающих его самостоятельно, Иенгар объясняет тем, что у японских детей отношения с матерью составляют существенную часть их личной идентичности и потому между решением матери и личными предпочтениями не может быть конфликта, в отличие от американских детей, которые порой с ужасом воспринимают сообщение экспериментатора о том, что они должны сделать то, что выбрала за них мать [35]. То же самое верно, по-видимому, и в отношениях с референтной группой: граница, отделяющая собственное Я от группы, в коллективистских культурах не настолько жесткая, как в индивидуалистских, поэтому, когда в коллективистской культуре люди делают выбор, ориентируясь на мнение социума, они считают его личным, свободным, выполненным без давления и принуждения; в индивидуалистской культуре это не так.

Итак, сравнительно-культурные исследования различных ситуаций выбора говорят нам о том, что выбор как разрешение неопределенности в человеческих действиях представляет собой универсальное явление. Вместе с тем в предыдущем разделе мы ввели различие ситуаций, (1) в которых принятое решение переходит в выбор; (2) в которых принятое решение не переходит в выбор или пересматривается; (3) в которых выбор осуществляется, минуя сознание, непосредственно, произвольно и часто неосознанно. Последнее происходит обычно, если одна из альтернатив

явно предпочтительнее других и выбор напрашивается сам собой, без колебаний и сложных процессов переработки информации. Это часто происходит без участия рефлексии, и возникает иллюзия, что выбора не было, а путь, по которому субъекта направляли его регуляторные механизмы, является единственным. Относительность этого пути и наличие выбора обнаруживается лишь при включении рефлексивного сознания.

Культурные контексты, однако, вносят психологическую определенность “по умолчанию” во многие ситуации, которые объективно могут представлять собой развилки, конструируя их как безальтернативные. Те же ситуации, в которых культурный опыт не предусматривает однозначного регулирования, остаются на усмотрение субъекта. Строго говоря, можно метафорически охарактеризовать культуру в ее отношении к поведению как систему таких регулирующих настроек “по умолчанию”: если имеет место такая настройка по отношению к ситуации, не конкурирующая с альтернативными настройками других культурных контекстов (например, этнонациональный и профессионально-образовательный культурные контексты могут задавать противоречивые настройки), то ситуация не воспринимается субъектом как ситуация выбора. Если настроек нет, или же они неоднозначны, ситуация осознается (конструируется) субъектом как ситуация выбора. Интересно, что, как следует из закона фундаментальной ошибки атрибуции [43], люди склонны приписывать другим больше выбора, чем себе, а свое поведение конструировать как более детерминированное. Таким образом, культурный контекст не столько ограничивает возможности выбора, сколько вооружает субъекта ментальными автоматизмами, экономящими регуляторные усилия в социотипических ситуациях. При этом большая однозначность настроек данной культуры в одной области жизни не обязательно соответствует большей однозначности в других областях. Используемая нами метафора “настроек по умолчанию” подразумевает, что даже в культурно однозначной ситуации изменение этих настроек возможно, оно лишь требует специальной внутренней работы, внутренней деятельности.

РАБОТА ВЫБОРА КАК ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Таким образом, сравнительно-культурные исследования подсказывают нам, что выбор может осуществляться на уровне автоматизированных шаблонных операций (и в этом случае он не осо-

знается как выбор), а может – на уровне осознаваемых произвольных целенаправленных внутренних действий.

Внешне похожим на автоматический бывает и процесс выбора в очень сложных экзистенциальных ситуациях, в которых нет очевидного решения: в них нравственный или этический выбор может делаться интуитивно, без раздумий, практически мгновенно. Тем не менее такой выбор основан на определенных предпосылках: внутренне выработанных критериях и ценностных основаниях. Они служат результатом многолетней внутренней работы, опыта принятия решений и их осмысления, внутренней деятельности выбора, которая настолько развилась, что приняла во многом автоматизированные, свернутые формы. В психологии такие процессы относят не к произвольным, а к “послепроизвольным”.

Между этими двумя случаями, когда выбор делается на взгляд извне легко, быстро и без задержки, существует большая группа ситуаций, в которых направление выбора оказывается не столь очевидным и требует паузы и внутренней работы, чтобы понять, в каком направлении двигаться. В жизни встречается немало ситуаций, где нет очевидного, однозначного решения, альтернативы вполне сравнимы по своей привлекательности или трудно сопоставимы между собой. В таких случаях, чтобы найти решение, требуется сложная внутренняя деятельность.

Понятие внутренней деятельности, или внутренней работы, неоднократно использовалось в психологии для анализа сложных процессов внутренних смысловых трансформаций. Наиболее глубокий концептуальный анализ понятия внутренней деятельности дал Ф.Е. Василюк [5] в контексте анализа деятельности переживания критических ситуаций; в этом же ряду находятся понятия работы сновидения [30], труда восприятия искусства [6], работы суицида [34], деятельности мировоззрения [18], работы личности [8, 24]. Нам представляется более чем эвристичным анализ через призму этого понятия также процессов выбора. В частности, анализ выбора как внутренней деятельности предполагает анализ операциональной структуры этой деятельности (системы психологических средств-орудий), а также ее энергетической стороны, поскольку совершение работы подразумевает энергозатраты (хотя к этим двум аспектам проблема деятельности выбора, конечно же, не сводится).

Первым, кто обратился к изучению орудийного опосредствования процессов выбора у человека, был Л.С. Выготский [7]. В своих экспериментах

с детьми он создавал ситуацию буриданова осла, предполагающую положительные и отрицательные альтернативы близкой степени привлекательности, между которыми было нелегко сделать выбор, и в качестве способа прийти к какому-то решению предлагал бросить жребий и поступить по жребию. Жребий – это достаточно распространенный и принятый в человеческой культуре способ разрешения неопределенных ситуаций. Выготский изучал условия, при которых дети были более или менее склонны использовать жребий как средство разрешения неопределенности.

Дети чаще добровольно обращались к жребию при четырех условиях: (1) если сокращались сроки выбора и возникала ситуация временного давления, (2) если увеличивалось число неизвестных элементов ситуации, то есть росла неопределенность, (3) если альтернативы были мало значимы, требуемые действия практически не затрагивали их интересы и (4) если привлекательность альтернатив мало различалась. И наоборот, при очевидных различиях в привлекательности альтернатив дети меньше были склонны прибегать к жребию и чаще – к развернутому интеллектуальному анализу ситуации. По сути бросание жребия – это отказ от принятия решения, от сложной познавательной деятельности, которая требуется для того чтобы взвесить всю информацию и прийти к максимально совершенному, полноценному решению. Это способ осуществления выбора без познавательных усилий.

Жребий помогает нам не столько оптимизировать принятие решения, сколько его облегчить, минимизировав сопряженные с ним колебания и умственные усилия. Противоположностью являются сложные интеллектуальные процедуры оптимизации, основанные на сугубо рациональных приемах. Пример такой процедуры описан в часто цитируемом письме Бенджамена Франклина Джозефу Пристли от 19 сентября 1772 г., в котором Франклин на своем опыте дает ученому коллеге рекомендации, как принимать сложное решение.

«...Я имею обыкновение, разделив пол-листа бумаги чертой на две колонки, заносить в одну резоны “за”, а в другую – “против”. Затем, после трех или четырех дней размышления, я коротко записываю под нужными заголовками те или иные мысли “за” и “против”, которые пришли ко мне в разное время.

Собрав их, таким образом, воедино перед глазами, я отваживаюсь начать судить о присущей им весомости. Когда попадают мне два резона (по одному с каждой стороны), кои представля-

ются равными, я вычеркиваю их оба. Если попадает один резон “за”, равнозначный двум резонам “против”, я вычеркиваю все три. ... И если по прошествии одного или двух дней дальнейших размышлений ничего нового не появляется, а значительность имеющегося ни к одной стороне не присовокупляется, я прихожу к соответствующему решению.

И хотя весомость резона не может быть измерена с точностью, присущей алгебраическим величинам, все же, когда рассуждаешь о каждом отдельно и сравниваешь его со всеми прочими, лежащими перед глазами, я полагаю, что могу вынести более разумное суждение, и менее склонен предпринять неверный шаг. Я обнаружил огромные достоинства в составлении таких уравнений, в занятии, кое назвать позволительно будет поучительной алгеброй благоразумия» (цит. по: [31, с. 47]).

Даже в сложных ситуациях, когда человек принимает решение весьма обдуманно, оно не всегда бывает рациональным. Случается, что человек кидает жребий, а потом поступает противоположно тому, что ему выпало. А.Н. Леонтьев [17] приводит пример из биографии Герберта Спенсера, который принимал решение о том, уехать ли ему в Австралию или жениться и остаться в Англии. Он построил процедуру анализа разных соображений за и против, приписывал им баллы, суммировал их, и получилось, что надо было ехать в Австралию. Он женился и остался в Англии. Налицо разрыв между принятием интеллектуального решения, между интеллектуальной оценкой ситуации и реальными действиями. Вместе с тем процедура сработала: выбор был сделан и неопределенность преодолена, хотя выбор был осуществлен и вразрез с принятым рациональным решением.

Другое направление исследований проливает свет на энергетическую составляющую работы выбора. Как показывают эти исследования, для совершения выбора требуется и напряжение мускулов в буквальном, прямом смысле слова, то есть затрата энергетических ресурсов. Это было показано в исследовании, основанном на теории истощения эго Р. Баумайстера. Данная теория предполагает, что у человека в каждый данный момент времени имеется некоторый ограниченный запас совокупных энергоресурсов, которые расходуются как на физическую деятельность, так и на психологическую работу самоконтроля и саморегуляции. Восстановление же израсходованных ресурсов требует времени. Эта гипотеза получила подтверждение во многих изящных

экспериментах, в которых было показано, что непосредственно после решения сложных задач на саморегуляцию у испытуемых снижается интенсивность физических усилий и наоборот, после физических усилий ухудшается саморегуляция. В частности, эксперименты Р. Баумайстера и др. [33] показали, что экспериментальные условия, требовавшие от участников совершения некоторого выбора, порождали эффекты истощения эго вне зависимости от самого поведения и отношения к выбираемому. Авторы оговариваются, что возможно двойное понимание выбора: как пассивного автоматического процесса, который осуществляется без волевого акта или усилия, и как активного внутреннего процесса разрешения конфликта альтернатив. Эффекты истощения порождает только выбор во втором смысле.

С уточнением этой позиции с позиций теории самодетерминации выступили А. Моллер, Э. Деси и Р. Райан. Из теории самодетерминации вытекает различие между автономным и контролируемым выбором, имеющим разную мотивационную основу и, в частности, предсказание, что эффект истощения характерен для контролируемого выбора, но не для автономного, который связан с проявлением внутренней свободы и близок по своим характеристикам не к произвольным, а к постпроизвольным процессам. Серия экспериментальных исследований позволила подтвердить эту гипотезу и доказать, что не любой выбор истощает эго. “Если человеку предлагают выбор между альтернативами, которые не имеют для него ценности, тривиальны или не затрагивают его, выбор вряд ли вызовет у него оживление и вполне может привести к истощению, даже в отсутствие давления в пользу какой-либо из альтернатив. С другой стороны, ситуация автономного выбора между альтернативами, имеющими ценность для личности, может даже придавать энергию” [41, с. 1034]. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с постпроизвольным выбором, который, как и шаблонные автоматизированные процессы, не связан с большими энергозатратами; и в том, и в другом случае затраты энергии происходили в прошлой истории формирования таких внутренних предпосылок, которые позволяют сравнительно быстро и эффективно совершать текущие достаточно сложные выборы на их основе.

М.К. Мамардашвили [25] использовал такую метафору, как “нравственные мускулы”: для того чтобы делать добро, поступать нравственно, надо иметь не только желание поступать нравственно (из этого само по себе ничего не вытекает), но и определённые “нравственные мускулы”. Как маленький ребёнок при всем желании не может под-

нять шкаф, потому что у него для этого не хватает сил, так и желание делать добро может оказаться неосуществимым из-за дефицита нравственных мускулов. Для выбора тоже нужны определённые психологические мускулы, которые могут превращать процессы делания выбора в послепроизвольные, интуитивные процессы, когда выбор делается мгновенно, но за ним стоит очень глубокое осмысление жизни и большой опыт понимания смысла поступков.

УРОВНЕВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ВЫБОРА

Таким образом, полноценный, развернутый выбор, включающий в себя личностное измерение, за исключением самых простых его форм, представляющих собой решение интеллектуальной задачи на оптимизацию и подразумевающих существование объективно правильного решения, представляет собой деятельность, имеющую свою интенциональную и операциональную стороны.

Для различения видов выбора, различающихся по возможностям рационального анализа, была предложена уровневая классификация видов выбора, включающая три его разновидности [19, 22].

Простой выбор отличается тем, что в ситуации априори даны имеющиеся альтернативы и критерии их сравнения; задача сводится к рациональному вычислению наиболее оптимальной альтернативы, что объективно возможно (см., напр., [12]). Это интеллектуальная задача, которая имеет правильный ответ, и нахождение его зависит от интеллектуальных способностей субъекта.

Смысловой выбор мы встречаем в ситуациях, когда альтернативы даны, но критерии сравнения не однозначны, например, при потребительском выборе, электоральном выборе и многих других. Хотя во многих подобных ситуациях декларируется рациональный характер выбора, реальные его основания очень часто иррациональны. Помимо мыслительных процессов, в выбор вовлекается личность, ее структуры. Субъект в этой ситуации выбирает не то, что объективно лучше (эта задача не имеет решения), а то, что ему конкретно нужно, что лучше для него в данный момент. Выбор происходит через решение “задачи на смысл” (А.Н. Леонтьев), через соотношение каждой из имеющихся альтернатив с желаниями, намерениями, планами субъекта.

Смысловой выбор как деятельность, важную роль в которой играют операциональные ресурсы

и средства, изучался нами, в частности, на материале выбора тем курсовых работ студентами второго курса [22]. В этом исследовании была апробирована определённая психотехника: испытуемых учили строить один из важных компонентов деятельности выбора, а именно сопоставление альтернатив в едином смысловом пространстве. Для этого они должны были сформулировать все возможные аргументы за и против каждой из имеющихся альтернатив и проранжировать аргументы по степени значимости. Тренинг этого навыка на искусственном материале (заданный им набор тем курсовых работ) привел к тому, что при решении собственной задачи выбора темы у участников существенно увеличилось количество и разнообразие аргументов, учитываемых в процессе выбора, особенно аргументов смыслового характера, отражающих значимость для них тех или иных альтернатив. У них формировалась структура внутренней деятельности, которая позволяла им более уверенно решать задачу выбора своей темы.

Еще сложнее **экзистенциальный выбор**, когда не только критерии для сравнения не определены, но и нет фиксированного набора альтернатив. Например, в ситуации выбора профессии, выбора места работы после окончания школы или вуза, если речь идёт о достаточно большом городе, набор вариантов превышает возможности их рационального анализа. В этой ситуации мы отталкиваемся не от самих альтернатив, как в первых двух случаях, а от своего Я. Мы строим свои временные перспективы, планируем будущее и выбираем те варианты, которые в наибольшей степени соотносятся с тем, как мы себя видим в будущем, меняясь в соответствии с тем, что и как мы выбираем.

Экзистенциальный выбор изучался нами, в частности, на материале выбора профессии выпускниками средней школы [23]. Мы предположили, что на полноценность выбора влияет объемность и проработанность представлений о его последствиях. Школьники выпускных классов писали краткие сочинения-эссе о том, что их ждет спустя определенное время после того или иного профессионального выбора, причем предлагались как предпочитаемые ими самими, так и отвергаемые и нейтральные варианты профессионального самоопределения. Написанные эссе оценивались экспертами по ряду параметров. В результате были выделены две группы сочинений: в одних отражалась неудовлетворенность настоящим, эмоциональная скудость и отсутствие интересов с надеждой на компенсацию в будущем,

которое описывается весьма подробно, в других, напротив, – фиксация на настоящем, которое интересно и самодостаточно, и отсутствие склонности анализировать будущее. В эксперименте была использована диагностически-развивающая компьютерная методика *LifeLine* [15], направленная на выстраивание субъективной картины жизненного пути и анализ связей между событиями; работа с методикой привела к значимым позитивным изменениям способности к анализу возможных вариантов будущего.

Во всех трёх случаях мы имеем дело с внутренней деятельностью выбора, которая имеет свою операциональную структуру, свою систему целей, которая может сворачиваться и разворачиваться, и освоение которой повышает готовность к совершению выбора. Эта внутренняя деятельность может быть более или менее мотивированной, более или менее осознанной, более или менее автономной, более или менее проработанной, более или менее зрелой, в ней могут использоваться различные метакогнитивные эвристики, по Д. Канеману, и психологические орудия, по Л.С. Выготскому.

Наиболее точным обозначением этой деятельности служит популярное в последнее время, но еще не приобретшее однозначного содержания понятие самоопределения (см. напр. [32, с. 298–299]). Самоопределение в нашем понимании тесно связано с выбором, однако если выбор – это локализованный во времени фактически осуществленный акт устранения неопределенности, перехода от множества равновозможных альтернатив к одной, превращение которой в реальность отрицает возможность остальных, то самоопределение – это растянутая во времени внутренняя работа, которая может и не иметь (а может иметь) своего завершения в конечном акте выбора. Это сама работа выбора, содержанием которой становится выявление неравноценности равновозможных альтернатив через соотнесение их со своим Я, своей идентичностью, шкалой “мое” – “не мое”. Объектом этой внутренней работы может быть все, что имеет для человека значимость, актуальную либо потенциальную: профессии и виды занятости, политические лозунги и партии, люди как объекты значимого отношения (например, потенциальные спутники жизни) и т.д. Возможна как работа самоопределения без выбора (когда выработанная определенность отношения не находит итогового воплощения в жизненном выборе-поступке), так и выбор без самоопределения (вынужденный, поверхностно мотивированный, спонтанный). Разумеется, к последнему случаю не относится постпроизвольный выбор, осуществляемый мгновенно и интуитивно, но основан-

ный на предшествовавшей работе самоопределения, которая длилась, быть может, многие годы. Если же работа самоопределения разрешается в конкретном выборе, то этот выбор приобретает тем самым надрациональное основание.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ

Таким образом, как мы стремились показать, проблема выбора выходит за пределы собственно процессов планирования, принятия решения, с которых она начиналась в академической психологии. В науке всё шире признается, что проблема выбора принципиально неразрешима без выхода на вопросы принятия ответственности, принятия риска и неоднозначных последствий наших действий. Если сохранить понятие рациональности, его необходимо решительно пересмотреть, отмечают Д. Кис и Б. Шварц в большой дискуссионной статье под названием «“Протекающая” рациональность». Когнитивные исследования, в основном, изолированно рассматривали одно конкретное решение и его исход, игнорируя то, как этот процесс связан с жизнью субъекта, то есть, в более привычной для нас терминологии, не учитывая личностный смысл решения: “Измерение должно сосредоточиться на том, как переживаются последствия решения и на том, как процесс ПР вписывается в жизнь его субъекта в целом” [38, с. 165]. Такой более целостный подход эти авторы называют “сущностной” рациональностью, противопоставляя его “формальной” рациональности, на которую опирается подавляющее большинство исследований в этой области.

Понятия выбора и принятия решений во многом пересекаются, но их несовпадение проявляется не только в том, что выбор может осуществляться произвольно, минуя когнитивную и метакогнитивную ориентировку, но и в том, что возможен разрыв и даже противоречие между формируемым в процессе решения суждением и ответственным действием, через которое (а не через принятие решения) и происходит окончательное разрешение неопределенности.

Более широкую рамку для понимания различных разновидностей выбора представляет собой подход к выбору как внутренней деятельности, обладающей сложной внутренней структурой и динамикой. В данной статье мы уделили много внимания обоснованию понимания выбора как внутренней деятельности. Однако еще более очевидной несводимость выбора к принятию решения становится при рассмотрении выбора в контексте личности. Этому рассмотрению будет посвящена следующая статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель* Никомахова этика // Соч. в 4 тт. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. *Аристотель* Евдемова этика. М.: Институт философии РАН, 2005.
3. *Быков Д.* Хроники ближайшей войны. Избранные статьи 1992–2005. СПб.: Амфора, 2005.
4. *Быков Д. ЖД.* М.: Вагриус, 2006.
5. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
6. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
7. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
8. *Жане П.* Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.
9. *Калитеевская Е.* Формирование личности гештальт-терапевта // Гештальт гештальтов. Евроазиатский вестник гештальттерапии. 2006. № 1. С. 144–151.
10. *Канеман Д., Словик П., Тверски А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.
11. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 31–42.
12. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
13. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект-пресс, 2003.
14. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
15. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия. М.: Смысл, 2003.
16. *Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995.
17. *Леонтьев А.Н.* Воля // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. № 2. С. 3–14.
18. *Леонтьев Д.А.* Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / Под ред. В.И. Кабрина и О.И. Муравьевой. Томск: Томский государственный университет, 2004. С. 11–29.
19. *Леонтьев Д.А.* Выбор // Большая Российская Энциклопедия. Т. 6. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2006. С. 103–104.
20. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла. 3 изд. М.: Смысл, 2007.
21. *Леонтьев Д.А.* Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки, 2010. Т. XXV. № 3. С. 136–153.
22. *Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В.* Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–110.
23. *Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–66.
24. *Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: Автореф. дисс. ... докт. психол.н. М., 2009.
25. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. М.: РХГИ, 1997.
26. *Мамардашвили М.К.* Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2009.
27. *Моросанова В.И., Индина Т.А.* Регуляторные и личностные основы принятия решений. СПб., М.: Нестор-История, 2011.
28. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
29. *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора: курс лекций. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005.
30. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Современные проблемы, 1913.
31. *Хэммонд Д., Кини Р., Райффа Г.* Равноценный обмен: рациональный подход к достижению компромисса // Эффективное принятие решений. 2 изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 27–48.
32. *Шаров А.С.* Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск: Изд-во ОГПУ, 2000.
33. *Baumeister R.F., Bratslavsky E., Muraven M., Tice D.M.* Ego depletion: Is the active self a limited resource? // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74. № 5. P. 1252–1265.
34. *Farber L.H.* The ways of the will. N.Y.: Basic Books, 1966.
35. *Iyengar S.* The Art of Choosing. N.Y.: Twelve, 2010.
36. *Iyengar S.S., DeVoe S.E.* Rethinking the Value of Choice: Considering Cultural Mediators of Intrinsic Motivation // Nebraska Symposium on Motivation. V. 49. Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Lincoln (NB): University of Nebraska Press, 2003. P. 129–174.
37. *Iyengar S.S., Lepper M.R.* Rethinking the value of choice: A cultural perspective on intrinsic motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76 (3). P. 349–366.
38. *Keys D.J., Schwartz B.* “Leaky” rationality: how research on behavioral decision making challenges

- normative standards of rationality // *Perspectives on Psychological Science*. 2007. V. 2. № 2. P. 162–180.
39. *Luhmann N.* Die Paradoxe des Entscheidens // F. Balke, G. Schwering, U. Staeheli (Hg.). *Paradoxien der Entscheidung. Wahl/Selektion in Kunst, Literatur und Medien*. Bielefeld: transcript verlag, 2004. S. 17–55.
 40. *Markus H.R., Kitayama S.* Models of agency: Socio-cultural diversity in the construction of action // *Nebraska Symposium on Motivation*. V. 49. *Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self*. Lincoln (NB): University of Nebraska Press, 2003. P. 1–57.
 41. *Moller A., Deci E.L., Ryan R.M.* Choice and ego-depletion: The moderating role of autonomy // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. № 8. P. 1024–1036.
 42. *Peters E., Slovic P.* Two springs of action: Affective and analytical information processing in choice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. V. 26. № 12. P. 1465–1475.
 43. *Ross L.* The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process // *Advances in experimental social psychology* 10 / Ed. by L. Berkowitz. New York: Academic Press, 1977. P. 173–220.
 44. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology needs choice, self-determination, and will? // *Journal of Personality*. 2006. V. 74 (6). P. 1557–1585.
 45. *Savani K., Markus H.R., Naidu N.V.R., Kumar S., Berlia N.* What counts as a choice? U.S. Americans are more likely than Indians to construe actions as choices // *Psychological Science*. 2010. V. 21 (3). P. 391–398.
 46. *Savani K., Stephens N.M., Markus H.R.* The unanticipated interpersonal and societal consequences of choice: Victim blaming and reduced support for the public good // *Psychological Science*. 2011. V. 22. P. 795–802.
 47. *Shulruf B., Hattie J., Dixon R.* Development of a new measurement tool for individualism and collectivism // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2007. V. 25. № 4. P. 385–401.
 48. *Simonson I.* Decision Making // *Encyclopedia of Social Psychology*. 2007. SAGE Publications. 15 Oct. 2009. URL: http://www.sage-rereference.com/socialpsychology/Article_n135.html.
 49. *Snibbe A.C., Markus H.R.* You can't always get what you want: Educational attainment, agency, and choice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88 (4). P. 703–720.

PSYCHOLOGY OF CHOICE. I. BEYOND RATIONALITY

D. A. Leontiev

*Dr. Sc., professor of psychology, Lomonosov Moscow State University,
Head of International research laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation,
NRU Higher School of Economics, Moscow*

Theoretical analysis of modern situation in problem of choice in psychology is presented in the article. Three main aspects of the problem: (1) relationship between choice and decision-making; (2) analysis and interpretation of phenomena of socio-cultural construction of choice or no-choice situations and (3) substantiation of interpretation of choice as a form of intrinsic activity and its varieties are in its focus.

Key words: choice, uncertainty, decision-making, rationality, judgment, culture, construction, activity, operations, means, energy.